

Синь океана и притяжение золотой плазмы

Однажды, когда где-то там, наверху, столкнулись своими неистово сильными телами колоссы-вершители, схватившиеся в битве за нужные им мегавозможности, из бурных вихрей, созданных их борьбой, родился ветер, принёсший живущим внизу людям энергию алчных устремлений. Многие мужчины и женщины, неуверенные в том, что до этого жили правильно, отвергнув всё наскучившее, с готовностью отдали себя во власть этого возбуждающего потока, считая его ветром перемен. Однако новый ветер заинтересовал далеко не всех. Некоторым людям, хорошо понимающим своё предназначение, он показался всего лишь непогодой, от которой нужно защититься, плотнее закрыв окна.

Жека был из людей, которых судьба наделила великим даром увлечённости своей работой. Он занимался исследованием морских организмов, полагая, что расшифровка и имитация их «хитрых умений» способны наделить человечество революционно новыми возможностями. Разгадывание подводных тайн захватывало его столь страстно, что он отдавал ему все свои дни, а порой и ночи, чувствуя себя абсолютно счастливым.

Несовершенство окружающего бытия, досаждавшее населению страны скудным ассортиментом продуктов на полках магазинов, не мешало ему и его семье жить сытно, потому что знакомый грузчик из местного гастронома «из-под полы» снабжал его мясом, колбасой и маслом. Поэтому в ветре перемен, подушем над Россией в «лихие» постперестроечные годы и искушавшем народ предпринимательскими возможностями, Жека не увидел ничего, что могло бы его заинтересовать.

Когда его товарищи, ставшие добычей нового ветра, переставали быть весёлыми и беззаботными сверстниками и перерождались в холоднодушных охотников за прибылью, Жека с сожалением наблюдал за этим неприятным ему метаморфозом. Когда недобрый ветер заставлял офицеров превращать казармы своих воинских частей в товарные склады, учителей и врачей обращал в «торгашей-челночников», а спортсменов принуждал становиться бандитами, он ни разу не захотел предать своё любимое дело. Продолжая

спокойно трудиться в океанском институте Владивостока и видя мир через призму своих страстей, он незаметно для окружающих мысленно обитал в пронизанных косыми лучами солнца фиолетовых глубинах, под которыми едва виднелись ещё более глубокие и маняще замутнённые океанские низины.

Он был женат на миловидной девушке Марии, которую все называли Мэри. Судьба привела Мэри в то же научное учреждение, в котором работал Жека. Здесь девушка встретила его — красавчика, вскоре ставшего её мужем, но здесь же она со временем начала томиться, не в силах заставить себя увлечься научными идеями, считая все известные ей идеи далёкими от реального воплощения и поэтому бесполезными, а порой просто глупыми. Её душевная кладовая была пуста и готова к наполнению чем-то действительно стоящим. Поэтому в ветре перемен она сразу уловила то нужное дуновение, которое могло принести желаемое содержание в её кладовую. Продолжая в том же аллегорическом духе, можно сказать, что ей открылось осознание сути денег как созидательной плазмы, из которой целеустремлённый человек способен создать любые реально возможные формы желаемого. Концепция обогащения, принятая ею как единственно верная жизненная философия, всё чаще сталкивалась с убогой и скучной реальностью каждодневной жизни.

Всё ещё не осознавая глубины той непоправимой трансформации, которая уже случилась с его женой, Жека, как ему казалось, внимательно и с уважением относился к её иногда озвучиваемым желаниям. Он решился на целый год уволиться из института и, отработав строителем в молодёжно-жилищном кооперативе, получил новую двухкомнатную квартиру. Более того, он смог завести знакомства с нужными людьми, которые, несмотря на отсутствие шкафов, столов и диванов в торговой сети «страны всеобщего товарного дефицита», помогли ему «по блату» достать новую мебель. Квартира, в которой появились гостинный и кухонный гарнитуры, оплаченные деньгами, взятыми в долг у родителей, приобрела красивый и законченный вид. С гордостью считая, что его бесценный бриллиант с именем Мэри получил

достойную оправу, Жека вернулся в океанский институт и увлечённо продолжил свои исследования.

Новая квартира, конечно же, обрадовала жену, но не смогла унять её сопутствующих желаний. Поскольку некоторые из знакомых Жеки и Мэри уже стали успешными членами новой общественной формации и быстро создали несоветские платформы нового бытия, обрета яркую атрибутику в виде заграничных автомобилей, изысканного антуража жилищ и необычайно красивой одежды, Мэри, подталкиваемая томящей её завистью, хотела как можно скорее догнать счастливых и войти в круг этих достойно живущих людей. Поэтому она настойчиво пыталась стимулировать мужа к началу собственной коммерческой деятельности. Супруг к коммерции склонен не был и не сильно соглашался с предложениями жены, наивно полагая, что сможет охолодить её полную горячих идей симпатичную головку. Между ними часто происходили разговоры, подобные следующему: — Муж, ты же умный! Нужна идея для нашего бизнеса. Именно идеи создают состояния. Например, когда на Аляске нашли золото и золотоискатели поехали его добывать, Леви Штраус вложил все свои деньги в крепкую ткань и приехал на Аляску, чтобы шить и продавать этим людям палатки. Но оказалось, что они любят жить в землянках, а палатки им не нужны. Он понял, что прогорел, и решил повеситься. Однако, придя в бар, чтобы выпить напоследок, он случайно услышал разговор старателей, обсуждавших то, как быстро приходят в упадок их штаны. Тогда Леви внезапно понял, что нужно шить не палатки, а прочные штаны. Он нанял китайских портных, они стали шить штаны, и Леви не только вернул вложенные деньги, но и получил прибыль. А потом он создал джинсовую империю «Леви Штраус». Здорово, да? Подбери и ты идею...

— Есть одна! Ты в курсе, что личинки двустворчатых моллюсков после рождения носятся по океану вместе с течениями и ищут место для того, чтобы осесть на дно, прикрепиться и начать самостоятельную жизнь? Взрослые, которые уже живут внизу, посылают им какие-то сигналы. Если сигналы позитивны, дети прикрепляются, если негативны, то дети ищут другое место. Мы не понимаем, что это за сигналы. Тот, кто поймёт их, сможет создать моллюскоподобный передатчик для океанских глубин и заработает кучу денег. — В принципе, нормально, но, видимо, нереально или не очень быстро. А я хочу, чтобы мы к моему дню рождения купили японский автомобиль «Тойота-Краун» с велюровым салоном. Если привезти из Японии, то выйдет чуть больше четырёх тысяч долларов.

— Где их взять с моей-то работой?

— Их можно сделать! Просто нужна идея. Например, ты мог бы нанять грузовик, подъехать к мясобойне, купить у мужиков «левого» мяса подешевле и продать его в нашей институтской столовой с наценкой, но дешевле, чем на базаре. Наши же сотрудники на обеденном перерыве всё разберут и ещё спасибо скажут.

— Мэри, думай, что говоришь. Торгашество в храме науки позорно. Я навсегда испорчу себе репутацию, если это сделаю. Мне противно даже думать об этом.

— А тебе не противно, что твоя жена одета как лахудра?

— Ты одета не хуже других.

— Других? А я не хочу быть как другие! Я хочу быть собой и одеваться так, как я того достойна!

— Хорошо, я попробую что-нибудь придумать!

— Скорее я придумаю.

Задумка Мэри

— У меня есть предложение, но нужна твоя помощь,— сказала Мэри однажды.

— Конечно, с готовностью выслушаю,— ответил Жека, и жена раскрыла ему план придуманной ею операции.

Она предлагала заработать на разнице в курсе рубля к американскому доллару во Владивостоке и в Москве. Сравнение соотношения рубля к доллару в центральных и провинциальных банках происходило в течение двух-трёх дней. Поэтому при внезапном повышении стоимости доллара в столице в эти дни можно было получить серьёзную прибыль, купив доллары в провинциальном банке, а на следующий день продав их в одном из московских банков.

Желая задобрить жену и сочтя этот план приемлемым, а также радуясь быстроте предстоящей акции, сулящей возможность скорого возврата к научной работе, Жека согласился. Готовясь к финансовой операции, они заняли деньги у друзей и, купив доллары на всю сумму, стали ждать изменения курса валют в Москве. Оно случилось довольно скоро, и вечером того же дня Жека, получив напутствия жены, помчался в аэропорт, где, купив билет, вылетел в столицу. Оказавшись в Москве рано утром, он вскоре нашёл отделение банка и, убедившись в том, что текущий курс валют действительно выгоден, продал доллары, получив солидную прибыль в рублях.

«Ну наконец-то жена будет довольна. Нужно было побольше занять»,— подумал он, выходя из банка.

Победа алчных демонов

На радостях от удачно выполненной работы его отпустило нервное напряжение. Воображение

заиграло, и грязный московский асфальт вдруг привиделся ему так странно, словно это было заливное морское дно. На этом дне сначала ничего не было, а затем проступили слегка видные силуэты нескольких камбал, которые начали набирать желтоватый оттенок, потом порозовели и стали вдруг ярко-красными.

«Да, классно у них получается менять окраску кожи,— подумал Жека, осмысливая образ, посетивший его.— Нужно сказать Мэри, что я начинаю работу над маскировочными костюмами-хамелеонами для военно-морских ныряльщиков. Патент принесёт хороший финансовый бонус»,— начал было рассуждать он, мысленно теша супругу приятной для неё темой беседы.

Жека едва не столкнулся с быстро идущим навстречу неприметным человеком, и вдруг на серое морское дно шлёпнулась толстая пачка зелёных купюр, завёрнутая в полиэтилен, заставив изобретателя вернуться к реальности. Мгновенный шквал смешанных эмоций захватил его сознание, но в тот же миг чья-то рука подхватила доллары, и он увидел низкорослого паренька, который сунул желанный пакет с валютой в свой карман.

Жека почувствовал, как сквозь мысли о непорядочности ситуации проступила досада оттого, как легко к нему пришла и тут же ускользнула возможность купить... может быть, даже «Краун» с велюровым салоном. Вторым ощущением был внутренний призыв к честности и справедливости, заставивший его обернуться в поисках хозяина денег, которому можно было сообщить о пропаже. Рассматривая быстро удаляющиеся спины прохожих, он осознал, что не может угадать того, кто потерял деньги. Кроме того, ему подумалось, что почти любой прохожий, вероятно, легко признает себя хозяином замечательной пачки. Учитывая полную неконкретность ситуации и не желая попасть в глупую историю, Жека решил забыть всё это прямо сейчас и продолжил свой путь.

Паренёк следовал тем же курсом, так как ему некуда было спрятаться. Он, видимо, не хотел идти назад, боясь встречи со спохватившимся хозяином. Слева возвышалась стена дома, в которой он не мог раствориться, а справа по автостраде неслись автомобили. Ему оставалось только идти рядом с Жеккой. Чувствуя в своём попучтике опасного свидетеля, он нервно оглядывался и вдруг тихо сказал:

— Слушай, не говори никому, пожалуйста!

Жека промолчал. Ему не хотелось говорить, так как эта непонятная и ненужная ситуация была запрограммирована на уничтожение из его памяти на уже приближающемся углу дома, где их пути должны были разойтись. Однако паренёк снова обернулся на ходу и жалобно произнёс:

— Давай я тебе треть отдам. Или ладно—половину. Посчитаем и разделим. Только не говори никому!

Сознание Жеки вновь вернулось к происходящему, и в его вдруг проявившейся тёмной части души демоны уже всю горланили: «Да»,— хотя белая её часть ещё путалась в разваливающихся порядках правильных логических построений.

«Почему бы и нет? Если деньги упали двум беднякам с неба, то бедняки могут их взять и поделить. Мэри рассердится, если я не использую эту ситуацию»,— подумал Жека.

— Ну давай,— всё-таки согласился он, и паренёк успокоенно и мирно закивал головой.

За углом дома им открылся утоптаный скверик, посреди которого виднелась статуя основателя российского коммунистического строя Владимира Ильича Ленина. Паренёк робко кивнул в сторону статуи, видимо, предлагая разделить деньги за ней, но предоставляя Жеке возможность самому выбрать место. То, что он не звал в подъезд, успокоило Жеку, и они двинулись в сторону недалеко стоящего памятника. На случай, если парнишка, например, достал бы нож или захотел бы брызнуть из газового баллончика, Жека держался на безопасном расстоянии и не сводил с него глаз.

Они зашли за тумбу, на которой стоял Владимир Ильич, и достав было деньги, паренёк вдруг снова спрятал их в свой карман. Жека тут же понял, почему тот сделал это. К ним приближался быстро бегущий человек восточной национальности. Было поздно делать вид, что они— это не они, потому что несчастный запыхавшийся хозяин потерянных денег уже подсеменовал к ним, приседая всё ниже и складывая руки на груди. Было слышно, что он всхлипывает и приговаривает на бегу. Подбежав, он рухнул на колени и обдал присутствующих нагиском своего горя, причитая по-русски и раскачиваясь из стороны в сторону. — Ребята! Дженщина сказал, что видел, как вы брать деньги. Пожалуйста, отдайте... Поджалуйста!— выдохнул он.— Не мои это деньги. Вся деревня собирала,— шёпотом добавил он и, упёршись руками в асфальт, коснулся его лбом.

Некоторое время несчастный шептался о чём-то с поверхностью планеты, но затем вновь поднял грозящие карим гневом глаза, в которых ужас положения сменился вдруг мерцающими импульсами ярости. Его льющийся, как погребальная песнь, голос забрал в сторону угрозы. Он вскочил и, хватая то Жеку, то паренька за ладони, потребовал отдать деньги, но вскоре опять безнадежно опустился на колени, бормоча что-то неясное сквозь синеватые губы и роняя слёзы из-под опущенных длинных ресниц.

Жека чувствовал себя так, будто в его кровь проник какой-то тормозящий состав, мешающий принятию правильного решения. Мысли слабыми

рывками перемещались от надежды, что этот человек оставит их с пареньком в покое и побежит дальше, к желанию развернуться и немедленно уйти. Искренняя жалость, возникшая к пострадавшему, побуждала выдать паренька с пачкой зелёных в кармане, но этому мешала неспособность к какому-либо действию, сковавшая обескураженного Жеку. Испарина покрыла его лоб, а ручейки пота зашекетали спину.

— Пожа-а-алуйста! Ты, ты взял! Отдай!—вдруг вновь гневно завыл восточный человек, кидаясь к перепуганному пареньку.

— Аэ-э... не-ет,—отпел тот, доставая из внутреннего кармана несколько мятых бумажек и передавая их потерпевшему.

— Это не моя деньги. Я знаю весь моя деньги! Каждый, каждый номер знаю!—запричитал тот, просмотрев купюры и вкладывая их обратно в трясущиеся руки паренька.

Внезапно он развернулся, метнулся в сторону Жеки и начал раскачиваться перед ним, издавая при этом негромкий чревовещательный вой. — Ты взял?!—спросил он наконец, стремительно сблизившись с Жекой и цепко впиваясь пальцами в его локоть.

— Нет,—абсолютно честно ответил Жека, безуспешно стараясь преодолеть толчки страха, набегающие на него от взгляда ставших вдруг бешеными глаз восточного человека.

— Покажи номер деньги-и...—прошипел тот, приближаясь лицом так, что капля его слюны прилетела Жеке на щёку.

Не успев осознать происходящее, Жека как во сне увидел себя достающим конверт с толстой пачкой только что купленных в банке рублей. Своими смуглыми и длинными пальцами дознаватель неожиданно выхватил пачку и, на какой-то миг завладев деньгами, начал быстро перелистывать купюры, просматривая их номера. Увидев это, Жека словно очнулся. Набежавшее чувство тревоги заставило его отнять свои деньги у приезжего с Востока и запрятать их обратно в карман.

— Нет, твоя деньги не моя деньги!—воскликнул хозяин потерянной долларовой пачки и вернулся к пареньку, стоявшему тут же с видом человека, готовящегося упасть в обморок.

— Ты!—уверенно крикнул допрашивающий и уже совсем решительно схватил похитителя одной рукой за воротничок, а второй полез к нему в карманы. — Вот моя деньги!—злобно и радостно закричал он, найдя свою пачку, толкая измождённого долгим стрессом паренька, а затем давая ему пинка.

Споткнувшийся паренёк упал, но затем вскочил и побежал, с трудом отрываясь от грозно орущего преследователя.

Воспользовавшись бегством своих случайных знакомых, Жека быстро покинул скверик, некоторое время ещё слыша возгласы восточного

человека: «Милиция, милиция!»—которые заставили его прибавить шагу. Только очутившись на ползущем под землю эскалаторе метро, он почувствовал себя окончательно свободным от нечестного паренька и доблестно бившегося за деньги своих односельчан человека Востока. Начав, наконец, оценивать произошедшее с точки зрения белой стороны души, он ужаснулся той лёгкости, с которой демоны вовлекли его в этот кошмар, от которого всё ещё стучало в груди и висках. На радостях оттого, что всё закончилось, Жека испытал благодарность к настойчивому парню за то, что он добился справедливости и этим избавил его, Жеку, от сопричастности к своему несчастью. Жека сказал себе, что никогда не смог бы стать преступником, так как последующая тяжесть грехов не дала бы ему жить спокойно. Распаляясь всё больше, он подумал, что пусть лучше его обманут, чем обманет он, и поклялся никогда больше не поддаваться зову алчных демонов.

Добираясь на маршрутке до дома своего товарища-химика, теперь занимающегося коммерцией и снимающего квартиру в Москве, он понемногу успокоился и уже чувствовал себя почти восстановленным в привычном мироощущении, снова радуясь тому, что с успехом выполнил задание жены.

Сунув руку туда, где во внутреннем кармане лежала пачка с деньгами, он неожиданно почувствовал тревожный сигнал сомнения, поняв, что пачка кажется ему недостаточно толстой. Приехав к товарищу, он, содрогаясь от тяжкого предчувствия, уединился в туалете и, пересчитав деньги, выяснил, что преобладающая часть исходной суммы не лежала больше внутри конверта. Чувствуя себя будто ақвалангист, в баллонах которого внезапно закончился воздух, Жека на всякий случай обыскал все свои карманы, а затем вновь пересчитал купюры. К счастью их не стало меньше по сравнению с первой проверкой, но, как и в первый раз, он опять недосчитался больше чем половины банкнот, которые, как он начал догадываться, были переведены на личный счёт напористого селянина благодаря ловкости его пальцев.

Сначала Жека подумал о том, как это лихо он смог—сумел вернуть свои деньги, да ещё бóльшая часть их с женой средств прилипла к его рукам. Потом озарение, наконец, сошло к нему, и сквозь хохот демонов он понял, что от момента падения великолепной пачки с американскими государственными знаками перед его носом осторожный паренёк ненавязчиво подводил его к тому блистательному мигу, когда молниеносный вор-щипач мастерски сделал своё дело. Сквозь обвальное состояние души Жека подумал о том, как смертельно талантливы эти безвестные актёры и какой удачный у них сегодня день. Находясь в полном расстройстве, он вышел из туалета и погрузился в стихию пьяного ужина, организованного

Валентином. Сильно опьянев, он вскоре рухнул на диван и мгновенно уснул, видя во сне кобр, опасно ползающих между его ног и говорящих на каком-то восточном языке.

Ловушка товарища-оборотня

Рано утром Валентин оказал Жеке любезность, попросив одного из своих московских друзей приехать и отвезти гостя в аэропорт. В ожидании встречной любезности, Валентин попросил передать картонный ящик с товаром своему партнёру во Владивостоке. Жека, естественно, согласился и отбыл в аэропорт Домодедово, держа при себе довольно увесистую посылку.

— Ты поосторожней с ящиком. Там товара на две «штуки» баксов. Валентин «пацанам» во Владике долг отдаёт,— сказал на прощание Валентинов друг и стартанул прочь от аэропорта, торопясь по своим коммерческим делам.

Оставшись один с ящиком в руках, Жека вошёл в здание аэропорта, вовремя успевая к регистрации на рейс. При проверке ящика что-то пошло не так, и появившийся представитель власти попросил его отойти в сторону, а затем ему было предложено пройти в дверь, которую тут же захлопнули за его спиной. Его усадили на стул, и капитан милиции, очень вежливо разговаривающий человек, начал задавать вопросы, из которых Жеке стало ясно, что его обвиняют в попытке незаконного проноса в салон самолёта партии парфюмерии, представляющей собой огнеопасную жидкость.

Совершенно подавленный Жека начал было объяснять капитану, что товар не его, но осознал всю неубедительность своих слов и, взяв себя в руки, начал думать. Он напугался того, что ящик конфискуют, и представил ситуацию, в которой он объясняет «пацанам», куда он дел товар. Очень осуждая Валентина за подставу, он предложил капитану решить вопрос путём внесения некоторой суммы денег.

— Ну что вы за люди—коммерсанты? Чуть что—решить вопрос! А как же безопасность граждан? А если ваши аэрозоли воспламятся в салоне самолёта? Это серьёзная угроза! Везде написано: запрещено для перевозки! Как вы можете нести это в самолёт?

Не зная, что ответить, Жека сидел молча, вдруг увидев себя в роли ныряльщика за жемчугом, ногу которого зажал своими створками огромный моллюск тридактна.

— Ладно, показывай, что там у тебя,—вдруг сказал капитан-тридактна.

Жека сначала хотел достать бумажник, но потом, осознавая, что несколько мелких купюр, содержащихся там, не устроят хищного капитана, был вынужден достать конверт с остатками денег. Заглянув в конверт, капитан смел его со стола и предложил Жеке проследовать на рейс.

— Я всё не могу отдать. Там всё, что у нас есть. Меня жена убьёт...—забормотал Жека.

— Жене ты везёшь парфюм. Она будет довольна. Или ты ждёшь конфискации? Вот ваши документы! Прошу не опаздывать на рейс!—жёстко сказал представитель власти, и Жека, схватив ящик, вышел из комнаты, чувствуя себя ныряльщиком, освободившимся от тридакты путём отсечения собственной ноги.

Было очень больно и обидно. К голове подкатил гудящий шум, и сознание было готово вот-вот померкнуть. Однако он заставил себя двигаться дальше, собрав воедино всю оставшуюся позитивную мотивацию.

В аэропорту Владивостока к нему подскочил «бронированный пацан» и принял ящик из рук в руки. Он предложил подвезти до города, и по дороге Жека рассказал о ментовском беспределе, случившемся с ним в аэропорту Домодедово.

— А мы ещё удивились! Что, Валентин не знает, что ли, что самолётом нельзя? Вот крутила!—веселоотреагировал водитель, не переспрашивая о деньгах, изъятых капитаном-тридактной.

— Я говорю—свои отдал. Надо бы их назад получить,—произнёс Жека после паузы.

— Это не ко мне! Я просто водитель. Где тебя посадить?—сухо сказал «пацан», который вдруг привиделся Жеке водолазом, имеющим круглый медный колпак на месте головы.

Мысленно ударив по колпаку кулаком, он вышел из машины.

Мэри берётся за дело

Вопреки ожиданиям Жеки, жена спокойно перенесла известие о случившемся.

— Чего-то подобного я и ожидала. Но, конечно, не могла представить, что ты сам отдашь все наши деньги,—бесстрастно сказала она.

— Прости, Мэри. Мы теперь должны очень много. Но я постараюсь собрать...

— Каким образом?

— Пока не знаю...

— Не переживай. Я знаю!—тихо сказала она, а потом добавила:—Мы разводимся.

Развод, действительно начатый и быстро реализованный женой в судебном порядке, стал для Жеки полной неожиданностью, сокрушившей всё его существо. На суде он сказал, что уверен в том, что их семье поможет второй шанс, что они несут ответственность за сына, для которого эта ситуация может стать большой бедой. Однако жена вдруг картинно заплакала, и судья быстро поставил штампы о разводе в их паспорта.

Жека теперь не жил со своей семьёй, ночуя то у родителей, то у своей бабушки, и мог лишь навещать сына, а также гулять с ним. Приходя за сыном, он

стоял в прихожей, ожидая, пока мальчик оденется. В мгновенно ставшей чужой квартире теперь был кто-то ещё. Тот «кто-то» сидел в гостиной по праву сильного, выплатившего его, Жекин, долг, а Мэри, от которой теперь пахло агрессивным запахом «того», носила в гостиную то тарелку с едой, то чашку с чаем. Проноса это мимо стоящего в прихожей Жеки, она покровительственно улыбалась своему бывшему мужу.

Надежда и поражение

Наступила зима. Однажды субботним утром, когда Жека явился в свою бывшую квартиру, чтобы пойти на прогулку с сыном, тот сказал, что они с другом Стёпой хотят посверлить лёд на заливе. Поэтому было решено сначала зайти за Стёпой, а потом пойти на залив, где обычно было много рыбаков, занимающихся подлёдным ловом и имеющих коловороты для просверливания лунок во льду. Жека был уверен, что кто-либо из них разрешит мальчикам посверлить лёд своими коловоротом.

— Что-то я не увидел маминого друга и его вещей в прихожей. Куда он делся? — спросил Жека у сына, когда они шли по скрипящему под ногами свежему снежку.

— Он ушёл, потому что они с мамой поругались. — Что случилось?

— Он поехал в Москву, и там его крутые московские пацаны развели, как лоха последнего. Впарили поддельные китайские сигареты вместо американских. Эти сигареты вонючие, и поэтому у нас в городе их никто не покупает. А он в них вложил всё бабло. Поэтому теперь у него есть три вагона сигарет, а бабла нет совсем. Мама на него кричала и спрашивала, как он мог вложить все деньги в эту дрянь. А он ушёл.

«Не только меня разводят в Москве», — подумал Жека и искренне обрадовался случившемуся. Он вдруг ощутил прилив надежды и начал строить план восстановления семьи. Готовясь вновь вступить в права полноценного отца и желая повоспитывать сынишку Владика, явно нахватавшегося блатных словечек от друга Мэри, он произнёс поучительную речь:

— «Разводить», «лох», «впарить», «бабло» — это слова, принятые в мире преступников, которые разговаривают на своём языке. Этот язык называется «феня». Ты не преступник, а интеллигентный житель России, и поэтому должен говорить по-русски правильно. Нужно говорить не «развели», а «обманули», не «лох», а «неопытный человек», не «впарили», а «продали плохой товар путём обмана», не «бабло», а «деньги».

— Папа, а я, наверное, не житель России. Мама в Америку собралась уехать и меня с собой берёт. Мне теперь нужно американский язык учить.

— Не американский, а английский, — машинально поправил сынишку Жека, а сам почувствовал, что новая беда накрывает его.

— А как мама собирается попасть в Америку?

— Русская подруга, которая живёт в Америке, хочет познакомить её с богатым американцем Кэни. У этого Кэни умерла жена, а когда он увидел фотографию нашей мамы, то сказал, что она сильно похожа на его жену. Он считает, что это Иисус возвращает ему жену обратно в виде нашей мамы. Поэтому он сделал маме и мне приглашение, и мы улетаем во вторник. Как раз у меня в школе каникулы начинаются. Мама говорит, что я в Америке в школу пойду.

Эпилог

Жека, совершенно оглушённый услышанным, долго не мог говорить. С пониманием того, что Мэри вышла на международный уровень, пришло осознание полной необратимости развода и потери возможности для общения с сыном. Он снова почувствовал себя ничтожеством, не сумевшим предотвратить разрыв с женой, и отцом-слабаком, неспособным удержать своего ребёнка около себя.

Зайдя за Стёпой, они втроём направились к покрытому белым заснеженным льдом заливу, на котором во множестве виднелись рыбаки, издавдала казавшиеся чёрными семечками, рассыпанными по белому полотенцу. Дойдя до берега, они ступили на лёд и направились к рыбакам. У первого же из них Жека попросил разрешения воспользоваться коловоротом, чтобы дать мальчикам возможность узнать, как сверлятся лунки. Однако рыбак оказался неприветливым и отказал, сказав, что не даст портить свой инструмент. Владик и Стёпа разочарованно посмотрели на Жеку, который изобразил невозмутимый вид, а затем предложил пойти дальше в поисках более добрых дядей.

Они были уже в середине залива, где было сосредоточено большое количество любителей подлёдного лова, и Жека надеялся, что кто-либо из них проявит великодушие. Но все последующие дяди оказывались такими же несговорчивыми, как и первый рыбак, и неудачливый папаша всё более угрюмо вёл свой небольшой отряд от неудачи к неудаче.

Вскоре расстроенный Жека сказал, что пора домой. В грустном молчании они двинулись к берегу, уже не останавливаясь около пингвиноподобных рыбаков и не пытаясь разговаривать с ними. От обиды все трое шагали всё быстрее и сбавили ход, только когда жадные до своих коловоротов рыбаки остались позади. На пути оставался последний рыбак, который стоял особняком и был ближе других к берегу. Чтобы не встречаться с ним, Жека начал забираться в сторону, но рыбак вдруг подал голос:

— Папая, не хотите ли передохнуть?

Удивившись, Жека остановился, а затем все трое подошли к общительному дядьке, который радостно улыбался пришедшим к нему гостям. Вокруг его лунок, вода в которых затягивалась кольшущейся вверх-вниз шугой, лежали свежывловленные корюшки и наваги, пахнущие арбузной прелестью.

— Гуляем? — начал беседу рыбак.

— Да, вот ребята посверлить хотели. Не даёт никто.

— Так пусть моим аппаратом попробуют, — предложил хозяин коловорота, беря свой инструмент и пристраивая его для сверления.

С минуту он обучал мальцов, а затем, дав им задание сверлить по очереди, повернулся к Жеке. — А что, папая, не закусить ли нам? — спросил он, доставая из своего рыбацкого ящика бутылку водки, варёную курицу, два солёных огурца и буханку хлеба.

От такого приёма Жека испытал прилив радостной благодарности и согласно закивал головой.

— Вот и хорошо, — довольно произнёс рыбак, наливая в единственную кружку и протягивая её Жеке.

— Ломай курочку, тёплая ещё! — сказал он, принимая пустую кружку назад и наливая себе.

Они стояли, жуя и наблюдая за ловкой работой мальчишек, которые сверлили всё новые и новые лунки.

— Всё нормально будет! — вдруг сказал рыбак.

— Думаете, будет? — спросил Жека, понимая, что выглядит грустно, и поэтому не удивляясь тому, что его начали успокаивать.

— Конечно! У тебя точно будет!

— Даже не знаю. Я не гожусь для серьёзных дел. Поэтому жена меня бросила, а теперь вот и сына в Америку увозит. Так вот просто берёт и навсегда увозит!

При этих словах у Жеки вдруг дрогнула челюсть, и спазм рыдания, сопровождаемый потёкшими слезами, заставил его отвернуться.

— То, что ты не годишься для её дел, не значит, что ты плох в своих делах. Скоро другую встретишь и будешь для неё самый лучший. Давай за это по второй!

Он снова налил, и они выпили, закусывая огурцом и хлебом.

— А ты насчёт сына и Америки не беспокойся. Никто не может управлять любовью детей. Её ничто не может отменить. Никакая Америка.

Придёт время, и сын тебя сам найдёт. Вот увидишь, — сказал рыбак.

— Почему вы так думаете?

— По вам обоим это видно. Ты его обожаешь, и он тебя любит, аж светится. Папин сынуля! С тобой всегда будет! Так что зря ты расстроился.

Они помолчали, глядя на румяных Владика и Стёпу, которые уже просверлили больше десятка лунок, но всё ещё хотели продолжать эту работу. Жека стоял, осмысливая слова рыбака и внимательно рассматривая сына. Владик усердно крутил коловорот и часто поглядывал на него — своего папу, по-видимому, желая произвести впечатление своим умением крутить лунки.

— У тебя здорово получается, — весело сказал Жека, и сын удовлетворённо кивнул, явно радуясь похвале отца.

Увидев реакцию сына, отец почувствовал, как тяжкий груз депрессии вдруг исчез, уступив лёгкости, тут же обосновавшейся в груди. Выпив треть, протянутую рыбаком, он распрямил спину, осознав, что до этого стоял сутуло. Ему захотелось осмотреться вокруг, чтобы насладиться видом зимнего залива. Он вдруг обрадовался просторной красоте неба, неспешно блёкнущего при бледном свете недавно взошедшей луны. Там, вдалеке, на холмистом противоположном берегу, появлялись и разветвлялись вереницы огней, показавшихся Жеке надёжно-приветливыми. Его интеллектуальную суть вдруг вновь приятно поманила загадочная океанская глубь, бывшая прямо здесь, под панцирем солоноватого льда, перевитого вмёрзшими водорослями. В воображении снова начали выстраиваться давно не посещавшие его подводные образы-загадки, зовущие к планированию научных проектов.

«Всё нормально будет!» — подумал он, почему-то ощущая полную уверенность в правоте этой мысли.

Вскоре довольные Владик и Стёпа объявили об окончании сверления. Радушный хозяин коловорота быстро собрал своё снаряжение, и все они покинули лёд накрываемого ночью залива. После тёплого прощания с добрым рыбаком троица направилась к городской окраине. По дороге Жека вдруг понял, что не спросил у этого встреченного ими чудо-человека его имени.

«Отныне и всегда буду называть его Рыбак-Солнце!» — решил он.